

В современном обществе, где пропагандируется равноправие АВО, совместное обучение представителей всех трёх гендерных типов уже давно не является чем-то новым. Однако Чи Илян учился в специализированной школе для Омег, предназначенной исключительно для них. В начальной школе он тоже посещал обычную школу, но... произошло что-то, о чём даже Чи Янь не знал, и отец, Тань Чэ, заставил Чи Ильяна взять длительный перерыв в учёбе. Даже после возвращения в школу он продолжил обучение в специализированном учебном заведении для Омег.

Казалось, именно с этого момента Тань Чэ стал чрезвычайно тревожным по отношению ко всему, что касалось Чи Ильяна, доходя порой до невроза. Хотя сейчас отец выглядел вполне нормальным.

Возможно, отец уже отпустил свои переживания, подумал Чи Янь.

Чи Янь и его братья и сёстры вместе наклеили новые новогодние украшения, поиграли в настольные игры. Чи Илян и Чи Мэнцзя, как две птички, щебетали вокруг него. Обычно застенчивый и немногословный Чи Илян, казалось, от волнения покраснел. Из кухни доносился аромат блюд, приготовленных отцом. Хотя отец из-за работы в этом году снова не смог вернуться домой на праздники, Чи Янь словно почувствовал себя снова ребёнком, вернувшимся в атмосферу детских новогодних праздников. Воздух был наполнен запахом счастья.

Хотя он давно не был дома, он всё же помогал отцу передвигать столы, подметал пол... как он привык делать раньше. Удивительно, но Чи Мэнцзя тоже решила помочь. Она всегда была «маленькой принцессой» в семье, никогда не прикасавшейся к домашним делам. Сестра выросла, с облегчением подумал Чи Янь.

— Папа, давно не пробовал твоих блюд! — Закончив общаться с младшими братом и сестрой, он не забыл и об отце. Хотя внимание отца было больше сосредоточено на младших, он... всегда хотел, чтобы отец уделял ему больше внимания.

— Скоро будет готово, — Тань Чэ помешивал блюдо на сковороде, — всё, что вы любите.

Чи Янь, тронутый, подошёл и осторожно обнял отца за плечи. В его возрасте уже не подобало вести себя как ребёнок, но это не мешало ему выражать свою любовь к отцу:

— Спасибо, папа, ты так много трудишься!

Но он почувствовал, как тело Тань Чэ слегка напряглось, и подумал, что отец не любит, когда его обнимают, поэтому быстро отпустил.

— Я принесу посуду! — Лучше быть более активным и заняться делами.

По телевизору уже шли предновогодние программы, за окном тихо падал снег, и слышались хлопки петард, создавая атмосферу праздника. Трое детей сидели за столом, ожидая, когда отец подаст блюда. Чи Янь был окутан этой счастливой сценой, и в его сердце теплилось тепло.

Увидев, как Тань Чэ появился на пороге кухни, глаза брата и сестры загорелись:

— Папа, уже готово? Мы уже голодные...

Чи Янь, стоявший спиной к кухне, уже собирался обернуться.

Внезапно его схватили за волосы и с силой прижали к столу. В голове раздался только гулкий звон.

— Папа! — Чи Мэнцзя вскрикнула от ужаса.

В руке Тань Чэ был не поднос с едой, а блестящий нож для фруктов.

*

Это было... сначала холодное, затем острое, и в конце сладкое послевкусие.

Феромоны какого-то Альфы витали вокруг шеи Чи Яня.

В нормальных условиях общения, даже для Омег, не было принято носить на себе феромоны Альф, не говоря уже о Чи Яне, который был Бетой.

Если только... это не было результатом длительного и близкого контакта.

Кожного контакта.

— Яньянь... ты так долго не был дома, что даже забыл слова отца. Как же ты можешь быть примером для младших брата и сестры? А? — Голос Тань Чэ был мягким, но сила, с которой он держал его за волосы и прижимал голову к столу, была ужасающей.

— ...

Чи Янь был ошеломлён и не мог вымолвить ни слова.

— Напомните брату, что я говорил? — Тань Чэ поднял взгляд на Чи Мэнцзя и Чи Иляна.

Чи Илян испуганно спрятался за сестрой. Чи Мэнцзя, сдерживая страх, дрожащим голосом произнесла:

— Папа говорил... что нельзя, нельзя близко общаться с Альфами.

Глаза Тань Чэ, казалось, пронзили Чи Мэнцзя, уставившись на Чи Иляна:

— Сяомэн хорошо запомнила, хорошая девочка... Сяои, особенно ты... ни в коем случае не будь как твой брат.

— Я не... папа... — Чи Янь, глядя на испуганные лица брата и сестры, стиснул зубы.

Оказывается, отец... никогда не забывал и не отпускал.

Свою ненависть к Альфам.

— Не был? Хм... — Тань Чэ усмехнулся, — Тогда почему на тебе, особенно на шее, остались феромоны Альфы?!

Чи Янь мгновенно сжал губы, не находя слов. Ци Шоулинь никогда не кусал его и не совершал никаких действий, связанных с меткой. Он не понимал, как отец мог узнать.

Это был шарф Ци Шоулиня.

Тот самый шарф, который он часто носил, плотно прилегая к его шее. Со временем он пропитался его насыщенными феромонами. Поэтому, даже если они какое-то время не контактировали, Чи Янь, только что снявший шарф, снова оказался покрыт его ароматом. Хотя он уже немного выветрился, в момент, когда Чи Янь обнял Тань Чэ, отец всё же почувствовал его.

— Ты всегда использовал молчание как ответ на вопросы, с детства ничего не изменилось, — в один момент безумный, в следующий Тань Чэ снова стал мягким и заботливым отцом, — Хорошо... я спрошу тебя. Тебя заставили, да?

Чи Янь коротко вздохнул. Как он хотел сказать: «Да, папа! Как я мог, как я мог не послушать тебя?! Я ведь и так не хотел этого!»

Но в тот же момент перед его глазами всплыли все воспоминания о Ци Шоулине: его одинокая фигура на качелях, его спокойное и сосредоточенное лицо, когда он обнимал его, огни в его глазах, которые казались серебряной рекой на небе...

— Нет, папа... — Даже с лицом, прижатым к столу, Чи Янь с трудом выдавил улыбку, свою обычную, добродушную улыбку, — Папа, подумай. Как это возможно... как это возможно, чтобы кто-то мог обратить на меня внимание...

— Я не Омега, я некрасивый, неумный, и к тому же скучный...

— У меня нет денег, нет талантов, я... вообще ничего из себя не представляю.

— Даже если бы... если бы я пытался «приставать». Никто бы не захотел.

— Если бы не семья... вы бы не обратили на меня внимания, Сяои и Сяомэн тоже... — Чи Янь увидел, как брат и сестра уже начали плакать, но он сам не чувствовал желания плакать, а скорее пытался успокоить их взглядом, — не обратили бы на меня, такого человека, внимания.

— Папа, не волнуйся. Просто... просто никто не сможет полюбить меня, захотеть меня, обладать мной. Скорее, я бы хотел, чтобы ты, папа... любил меня чуть больше, хоть немного...

— Даже если твоя любовь ко мне невелика, пусть она будет хоть маленькой, но долгой...

— Яньянь...

Чи Янь почувствовал, как рука Тань Чэ, державшая его за волосы, слегка ослабла, и он немного расслабился.

— Папа тебя любит...

Затем он почувствовал, как что-то острое коснулось его шеи, в области железы. Кровь сразу же выступила наружу.

— Хотя ты солгал, но... папа хочет тебя спасти.

На улице было уже пустынно, в этот час, когда зажигались фонари, и семьи собирались вместе.

Но всё же слышался шорох шагов по лёгкому снегу.

Чи Янь тяжело дышал, держа за руку Чи Мэнцзя и Чи Иляна. Трое шли, проваливаясь в снег.

В тот момент даже сам Чи Янь не знал, откуда у него взялась смелость, чтобы оттолкнуть Тань Чэ и, схватив оцепеневших брата и сестру, броситься к двери.

Он боялся, что если он убежит один, отец перенесёт свой гнев на Чи Мэнцзя и Чи Иляна.

К счастью, отец не побежал за ними с ножом.

— Брат... — робко произнёс Чи Илян, — мне так холодно.

Они выбежали из дома, не успев надеть тёплую одежду, только тонкие свитеры, которых хватило бы для тёплой комнаты. Даже на ногах были только тапочки.

<http://bllate.org/book/15527/1380443>